

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

А. К. БОРОВКОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА.

(Определение языка хикматов Ахмада Ясеви)

I

Творчество знаменитого дервишского поэта XII в. Ходжа Ахмада Ясеви составляет одну из любопытнейших страниц истории узбекской литературы и языка раннего периода. Стихи Ясеви на протяжении ряда столетий пользовались широкой популярностью. Это вызывало удивление и порождало догадки.

Исследований, касающихся литературной деятельности Ахмада Ясеви и его преемников, явно недостаточно, чтобы подойти к определению языка его произведений без некоторых предварительных разысканий. Акад. К. Г. Залеман сопроводил опубликованный им текст легенды XIV—XV в. о Хаким-ата филологическими примечаниями и некоторыми биографического порядка сведениями о Ясеви из жизнеописаний среднеазиатских суфиев.¹

Любопытные данные о литературной деятельности Ахмада Ясеви и его последователей привлечены были в обширном исследовании о первых мистиках в турецкой литературе,² однако исследование это далеко не критическое и значительно устарело. Все же большой ряд вопросов, интересующих филолога и лингвиста, остается неясным и требует массы, подчас очень кропотливых, поисков в самых различных направлениях.

Имя Ахмада Ясеви, окруженное легендами, пережило множество других имен, его стихотворения — хикматы — расходились во множестве списков, а во второй половине XIX в. стали появляться в литографиях и печатных изданиях. Хикматы Ясеви находили постоянных комментаторов, чтецов и слушателей.³

Источники согласно называют дату смерти Ахмада Ясеви — 562 г. х. (1166); перечисляются имена его наставников — Юсуфа Хамаданского, тюркского шейха Баба Арслана — и многочисленных преемников. Существует ряд упоминаний о том, что он прожил 130 лет.⁴

¹ К. Г. Залеман. Легенда про Хаким-ата. Изв. имп. Академии Наук, 1898, т. IX, № 2, стр. 105, сл.

² كو پو بى زاده تورک اد بيا تند ه ا بلك متصو فتر. Стамбул, 1918.

³ Хикматы Ясеви комментировались в мистическом духе. Такого комментатора „внутреннего смысла“ стихов Ясеви мы встречали в с. Бурама-гут Тюркюрганского района Наманганской обл. — это старая „атин-ойи“ Курбанова. В Ташкенте женщины старого склада собирались для чтения хикматов Ясеви.

⁴ О том, что Ясеви прожил 130 лет, утверждается и в „рисале“ Мавлана Хусамэдина Сыгнаки: عمر اشان صد سى سال بوده ست РКП Инст. вост. рукоп. АН УзССР, № 3386, л. 16. (на полях). Ссылка на текст хикматов, где гово-

Убедительных свидетельств о поэтическом творчестве Ахмада Ясеви мы нигде не находим. Нет и ранних списков стихов его; сохранилось лишь четыре стиха, датированных XV в., — это пока самое раннее упоминание о хикматах Ясеви. Осведомленнейший писатель XV в. Алишер Навои говорит о знаменитом мистике в самых общих выражениях; умалчивается о поэтической деятельности Ахмада Ясеви и в довольно обширной ранней житийной литературе.¹ Правда, в более поздних источниках, в единичных случаях цитируются сентенции, приписываемые Ясеви, но проследить их литературную историю довольно трудно. В частности, в „Ламахат“ Мухаммед алима ходжи цитируется два стиха, известных из имеющихся сборников,² и поясняется смысл их. Там же, в другом месте, приводится афоризм Ахмада Ясеви: „Оставь слова его, обрети его самого“ (سو ز نى قو ى اوز نى تاب).³ В другом известном сочинении „Самарат-ал-машаих“ упомянуто еще одно изречение Ясеви с переводом на персидский: „сытно ешь и правильно следуй (путем)“ (توق بىء توغرى بورو).⁴

Отсутствие убедительных данных о творчестве Ахмада Ясеви тем более удивительно, что слава шейха и влияние его мистического толка не подлежит никакому сомнению, — совершенно не случайно дальновидный Тимур воздвиг роскошный мавзолей над могилой популярного мистика в г. Ясы (Туркестане)...⁵ Судя по всем данным, стихи Ясеви должны были играть большую роль в пропаганде его мистического учения и могли иметь своим прототипом шаманские песни тюркских кочевников в низовьях Сыр-дарьи. Так или иначе, преемники Ахмада Ясеви, во всяком случае, всячески старались внушить слушателям мысль о божественности хикматов, о полном согласии их со словом божим.

Отсутствие положительных свидетельств о поэтическом творчестве Ахмада Ясеви и сколько-нибудь достоверных текстов не обещают многого в анализе наличного материала, но это отнюдь не значит, что мы должны во всех случаях ограничиваться только догадками.

Обращает на себя внимание состав рукописных сборников и известных печатных изданий стихотворений-хикматов Ахмада Ясеви.

Известно довольно большое число рукописных списков дивана, все они довольно позднего происхождения. Упоминается, как наиболее старая

рится о смерти Ясеви на 62—63 г. (каз. изд., стр. 31; РКП ИВ. В 286, л. 246); не имеют значения, ибо речь в них идет об уединении Ясеви „под землей“ в „чиллахона“, а не о смерти. Ср.: Enzykl. des Islam, I, стр. 217.

¹ В поздних жизнеописаниях встречаются упоминания о принадлежности хикматов самому Ясеви, как об этом говорится, например, в „Мурат-ас-саликии“; см. текст у К. Г. Залемана, стр. 147; то же утверждает в „Сафинат-ал-авлия“ Шах Нивамеддин-ибн-Карн-кази, РКП Инст. вост. рукоп. АН УзССР, № 3336, л. 233а.

² Цитируются стихи: 'arif 'ishqi djan mulkinda 'alam tartsa on sakkiv miç qamuç 'alam bulbul bolur.

По пятому казанскому изданию стихи эти (с большими разночтениями) в хикмате № 62, стр. 108; см. сочинение Мухаммад Алим-ал-Сиддик-ал-Алави لمحت من نجات الغدس РКП. Инст. вост. рукоп. УзАН, № 638, лл. 79а — 79б. Тут же в одном месте приводится арабское изречение Ясеви (л. 115а).

³ Там же, л. 126б.

⁴ Перевод гласит: ای درویشی سیری طعام خرزوراست زو. РКП Инст. вост. рукоп. УзАН, № 1336, л. 177б.

⁵ См.: А. Семенов. Мечеть Ахмада Есевичского в Туркестане. Изв. Сред.-авкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 62 сл.

из наличных в стамбульских книгохранилищах, рукопись из библиотеки Вафик-паши 1105 г. х. Близок к этому времени и список акад. К. Г. Залемана.¹ В Институте восточных рукописей Узбекской Академии Наук находится восемь рукописей дивана Ясеви² и в Фундаментальной библиотеке Среднеазиатского Государственного университета — один список,³ все позднейшего происхождения. В массе своей рукописные сборники плохо оформлены и писаны рукой переписчиков-любителей разной степени грамотности.

Количество хикматов и порядок их следования меняются от списка к списку и от издания к изданию. Впервые, видимо только в позднейших списках, литографиях и в печатных казанских изданиях, в расположении стихотворений был принят принцип, обычный при составлении стихотворных диванов, где стихи следуют в порядке алфавитном применительно к конечным буквам рифмующих строк. Кстати сказать, в этих сборниках появляется и предисловие к „дивану“ Ясеви, явно позднейшего происхождения, как это и было уже отмечено.⁴

О казанских изданиях сборника хикматов Ахмада Ясеви следует сказать особо.

Проф. П. М. Мелиоранский совершенно справедливо предупредил в своей заметке об Ахмаде Ясеви в „Энциклопедии ислама“, что в подробностях казанский „Диван“ не изучен; судя по содержанию, не все стихотворения в нем принадлежат самому Ясеви.⁵ Даже беглый обзор подтверждает правильность этого. В казанском пятом издании помещено 149 хикматов — по количеству это наиболее полное собрание стихотворений Ахмада Ясеви. Большая часть хикматов, именно 109 из 149, заключает в себе упоминание имени автора, в различной форме: Кул Хаджа Ахмад, Хаджа Ахмад Ясеви, Ясеви мискин Ахмад, Султан Ходжа Ахмад Ясеви, Ахмад-ибн-Ибрагим, Мискин Ясеви, Ходжа Ахмад. Наряду с этим сплошь и рядом следует лаконическое Ахмад или Ахмади, часто с обычными эпитетами Кул Ахмад, Мискин Ахмад.⁶ Ссылка на имя является, в известной мере, гарантией подлинности стихотворений, и с этим приходится считаться.

Однако при несколько внимательном чтении текста нетрудно заметить, что некоторое число хикматов в казанском сборнике следует без всякого упоминания имени и подчас заключает другие имена. Так, наряду с именем известного преемника Ясеви Хаким-ата, мы находим в хикматах упоминание имени Кул-Шариф и Кул Гариб.⁷ Как мы увидим далее, появление хикматов с этими именами в казанском сборнике имеет свои причины.

Как бы то ни было, это обстоятельство обязывает насторожиться, и естественно предположить что в сборнике могут быть и другие стихотворения хикматы, заведомо не принадлежащие Ахмаду Ясеви. Такого

¹ Вывезен им из Самарканда; см.: К. Г. Залеман. Легенда про Хаким-ата, стр. 126, прим. 29.

² №№ 377, 378, 361, 1564, 1910, 3966, 3764, 5661, — все нового происхождения.

³ Рукопись № 210, без даты, нового происхождения, переписана малограмотным переписчиком. В сборнике за № 287 Фундаментальной библиотеки на лл. 103а — 109б выписаны 2 хикмата Ясеви.

⁴ А. А. Гаррицкий, из предисловия к „премудрости шейха Ходжа Ахмада Ясевийского“. Сб. Туркест. вост. инст. в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 35, сл.

⁵ P. Melioranskij. Ahmed Jesewi, Enzykl. des Islam, I, стр. 217.

⁶ По пятому казанскому изданию „Дивана“ Ясеви хикматы №№ 21, 23, 24, 25, 26, 33, 35, 52, 53, 54, 56, 63, 66, 68, 93, 102, 105, 128, 137, 143.

⁷ Хикматы с именем Кул Шариф по пятому казанскому изданию №№ 59, 60 и, вероятно, 56, 57, 58, 61, с именем Кул Гариб — №№ 101, 127.

рода случаи не исключены. Об этом свидетельствует хикмат № 47 на стр. 92 пятого казанского издания. Речь здесь идет о том, что будто бы будущий мюрид Ясеви Баба-Мачин услышал о недопустимых поступках Ахмада Ясеви и решил наказать его.

Услышал тогда Баба-Мачин [что],
Появился в Туркестане некий шейх Ахмад,
Беседовали там юноши и девушки между собой,
И приехал он, чтобы это запретить, друзья.

Далее повествуется о том, что Баба-Мачин приказал мюридам Ахмада Ясеви Хаким-ходжа Сулейману и Суфи Мухаммед Данишманду наказать шейха плетью. Ахмад Ясеви при этом будто бы выдержал 500 ударов и вскрикнул, когда ему нанесли следующий, лишний удар. После экзекуции Ясеви объяснил удивленным ученикам, что 500 ударов принял стоявшие за его спиной дивы и пери, а последний удар пришелся ему самому.

Предание это существует в нескольких версиях. Со слов Мавлана Хисамеддина Сыгнаки рассказывается, что в ханаке Ахмада Ясеви мужчины и женщины вместе участвовали в зикрах. Появилась группа арабских дервишей во главе с шейхом, и этот-то шейх запросил о законности общего зикра мужчин и женщин у Ахмада Ясеви.¹ Ответ последнего убедил арабского шейха, и он стал мюридом Ясеви и двенадцать лет служил ему.

Согласно другому преданию, передается со ссылкой на сочинение Суфи Данишманда „Мунакиб-и-хызрат-ат-тарика“, что зикрами Ахмада Ясеви, в которых участвовали женщины, заинтересовался ургенчский Имам Маргази.²

На почве этого последнего сказания имеется хикмат с именем уже упоминавшегося выше Гариба. Гариб явно при этом имеет в виду прозаический рассказ:

* رساله او قودوم نشرنى نظم غه او كوردوم *
* نشرنى سوزنى نظم ايتيب مسكين غريب ايديا *

Читал рассказ я и прозу в стих переложил,
Прозу в стих переложив, рассказал бедняк Гариб.³

В казанском издании интересующий нас хикмат также заканчивается четверостишием со ссылкой на прозаическое предание.⁴ Совершенно очевидно, что такого рода стихи не могут принадлежать самому Ясеви.

Разительными примерами такого рода могут быть еще и следующие случаи. Последний хикмат казанского сборника № 179 построен на обращении к Ахмату Ясеви и заключает имена его мюридов Хаким-ата и Баба Мачина:

¹ از خليفه احمد سوال کرده اند كه مرد زن زكر و سماع ميكونند چه ميگويد

См.: „Рисале“ Мавлана Хусамеддина Сыгнаки на полях рукописи. Инст. вост. рукоп. УзАН, № 3386, л. 16, 26.

² РКП Инст. вост. рукоп. УзАН, № 3388, л. 66 (на полях).

³ РКП Инст. вост. рукоп. УзАН, № 1569, л. 1746; на л. 1716 об этом упомянуто в заглавии: Kissa-i-Imam Margazi.

⁴ В заключительном стихе говорится: назм аждадим бу hikajāt bilān, dostlār. (Изложил стихами я этот рассказ, знайте, друзья). Каз. 5-е изд., стр. 91.

- * ترکستا نغہ بارانوک خدمتیدہ تورا لوک *
 * او لوش بیرسه الایک شیخیم احمد یسوی *
 * بابا ماچین اول سلطان مۆید بولدی سلیمان *
 * حکیم خواجه سلیمان شیخیم احمد یسوی *

Отправимся в Туркестан, будем на службе его,
 Даст нам долю, мы возьмем, шейх мой Ахмад Ясеви,
 Баба Мачин стал мюридом того шейха и Сулейман,
 Хаким-ходжа Сулейман, шейх мой Ахмад Ясеви.

Можно предположить, что это стихи одного из последователей Ясеви в честь их шейха, я в самом деле, в рукописном сборнике Института восточных рукописей Академии Наук УзССР, № 1564, этот хикмат (лл. 866, 876) назван безоговорочно „хикматом Молла Шамсэддина“, о котором речь будет итти ниже.

Примеры эти не единичны. В отдельных случаях налицо совершенно неожиданные замены в хикматах одного имени другим. Так, в казанском сборнике в хикмате № 148 в заключительном четверостишии упоминается имя „Кул Ходжа Ахмад“ (Кул Ходжа Ахмад гуноҳига қоил әур); вместе с тем в рукописном сборнике Института восточных рукописей, № 378, этот стих читается (л. 486) с именем Надири (Қул Надири гуноҳиңа қоил әур). Следовательно, в данном случае стихотворение-хикмат некоего Надири, при известных обстоятельствах, было отнесено к хикматам Ахмада Ясеви.

Аналогичный факт имеет место и с хикматом № 64 по пятому казанскому изданию (стр. 110—111), где этот хикмат заключает имя Кул-Ходжа Ахмад (Қаттығланиб Қул Ходжа Ахмад йолга киргил). По рукописи К. Г. Залемана (л. 34а) этот хикмат читается с именем Кул Ахмад (Қан Йыглагыл, эй, Қул Ахмад йолга киргил), то же имя следует в Бакирган-китаби (стр. 16). Однако в рукописи Фундаментальной библиотеки САГУ № 210 этот же хикмат заключает в последних строках новое имя Кул Темури (л. 796), имя, которое встречается здесь впервые:

قل تیموری اوزاق یولدا یانار بولدونک * غملیک یرق کوندین کو نکا بتو بولدونک

Наиболее часты замены имени Ходжа Ахмада Ясеви именем его третьего преемника Хаким-ата Сулеймана, что обнаруживается в казанских изданиях хикматов Ясеви и в „Бакирган-китаби“, где мы ожидали бы видеть собрание стихотворений Хаким-ата. Последнее двустиие хикмата № 29 по пятому казанскому изданию (стр. 65) читается с именем Кул-Ходжа Ахмад:

- * قل خواجه احمد نچوک مو نده اورون تا پسون *
 * کیچه کوندوز قور قه تورور هیبتی بار *

Зачем будет находить здесь место Кул-Ходжа Ахмад,
 День и ночь он находится в страхе, в ужасе он.

По „Бакирган-китаби“ это же самое двустиие читается с именем Кул-Сулеймана (стр. 9).

- * قل سلیمان نتاک مو نده اورون قیلسون *
 * کیچه کو ندوز قور قه دورور هیبتی بار *

Зачем здесь будет делать пристанище Кул-Сулейман,
 День и ночь он находится в страхе, в ужасе он.

Приведем еще ряд такого рода подмен по указанным сборникам.

„Диван-и-хикмат“

- (стр. 37) خواجه احمد قل بو تورور سا تيب يسون درو يشلار
 (стр. 114) اي قل احمد سين بوكون قيلنغيل عبارت تون كون
 (стр. 125) قول خواجه احمد كوهر ينكليغ حكمت ايدى
 (стр. 213) قول خواجه احمد كوهر ينكليغ حكمت ايدى
 (стр. 226) قول خواجه احمد سا عتى بير دده يوق طا عتى
 (стр. 227) قول خواجه احمد صحبتده دم اورار منا جا تده

„Бакирган-хитаби“

- (стр. 24) حكيم سليمان قلدر ساتيب يسون درو يشلار
 (стр. 10) قل سليمان بلدنك بوكون قيل عبارت تون كون
 (стр. 28) قل سليمان كوهر ينكليغ حكمت نوردى
 (стр. 8) قل سليمان دعا او چون ايدى موسى
 (стр. 11) قل سليمان ساعتى ذرهچه يوق طا عتى
 (стр. 19) قل سليمان صحبتده دمبدم منا جا تده

Сомнения наши увеличиваются. Трудно подчас проследить количество стихотворений-хикматов по различным сборникам и их принадлежность. Так, например, упоминавшаяся уже выше рукопись К. Г. Залемана заключает в себе, в общей сложности, 73 стихотворения-хикмата Ахмада Ясеви. На проверку оказывается, что очень большое число хикматов казанского сборника, именно 103 из 149, отсутствует в рукописи К. Г. Залемана, хотя и повторяется частью в других рукописных списках. Таким образом, критической работы над доступными текстами хикматов Ясеви — непочатый край.

Становится совершенно очевидным, что, в первую очередь, текст казанских изданий хикматов Ясеви не заслуживает никакого доверия. Ограничимся пока еще двумя примерами. Стихотворение-хикмат за № 123 по пятому казанскому изданию (стр. 212—213) заключает 7 четверостиший; в рукописи же Залемана 15 четверостиший, причем почти каждая строка заключает существеннейшие разночтения.¹ О принципиальном характере разночтений свидетельствует другой пример. В одном из хикматов утверждается, что Ахмад Ясеви предпочитал свой родной язык (тюрки) языку персидскому. В заключительных строках по казанскому изданию (стр. 254) следует, что Ясеви знал персидский язык, но предпочитал писать на родном языке (тюрки):

- * مسكين ضعيف خواجه احمد یتى پتشینکا رحمت *
 * فارسى تیلی نى بیلیبان خوب ایتادور تورکی نى *

Бедняк немощный Ходжа Ахмад, спасибо за твои семь писаний.
 Зная персидский язык, он хорошо говорит [сочиняет] по-тюрки.

По тексту рукописи К. Г. Залемана (РКП ИВ, № В 286, л. 32а) явствует, что Ясеви не знал персидского языка:

¹ РКП Института востоковедения АН СССР, № В 286, л. 696, сл.

* مُسْكِينُ أَحْمَدَ يَسُوى عَمَلًا رَغَةً مُوَافِقُ *
 * فَارَسِي بِيْلِمَايْدُوْرُ خُوْبُ اَيْنَدُوْرُ نُؤِيْنِي *

Бедняк Ахмад Ясеви, подобно ученым,
 Не знает по-персидски, [но] хорошо говорит
 [сочиняет] по-тюркски.

Первостепенное значение с точки зрения критики текста представляет для нас выделение стихотворений-хикматов, не принадлежащих Ясеви. Мы уже имели возможность видеть, что наряду с хикматами, заключающими имя Ахмада Ясеви, встречаются хикматы с другими именами, среди которых отмечены были Хаким-ата, Шамсэддин, Шариф, Гариб. Забегая несколько вперед, заметим, что это все имена лиц, тесно связанных с мистическим учением Ахмада Ясеви и, в частности, с сочинительством духовных стихов и хикматов.

Можно предположить, что составители казанского дивана включили в состав его все стихотворения-хикматы, в которых так или иначе упоминалось имя Ахмада Ясеви, и не обращали внимания на упоминание других имен. Однако в существующих рукописных сборниках, наряду с хикматами Ясеви, сплошь и рядом встречаются также хикматы его многочисленных преемников. В рукописном сборнике Института восточных рукописей Академии Наук УзССР за № 1564 свыше 100 стихотворений-хикматов с упоминанием имени Ахмада Ясеви; однако и здесь имеют место хикматы, не принадлежащие ему. Так, на листе 476 следует стихотворение-хикмат, отнесенный, судя по заголовку, к стихам Ясеви, а в заключении содержащий имя Сулейман-ата:

* قُلْ سَلِيْمَانِ اَوْزِيْنِ تُوْرلُوْكُ كُوْ هِرْ سُوْزِ يَدِيْنِ *
 * اَبْ حَيَاتِ سُوْ يَدِ يَنْ اِيْچْتُوْقُ اَلْحَمْدُ اَللّٰهُ *

Раб [божий] Сулейман из своих различных перлов-слов,
 Из вод источника жизни испили мы, слава аллаху.

Такой же случай отнесения стихов Сулеймана-ата Ахмаду Ясеви мы находим и в другом месте (лл. 1176 — 118а). Однако в массе случаев переписчик включил в сборник стихи, не принадлежащие Ахмаду Ясеви, совершенно сознательно. Таковы хикматы Хаким-ата Сулеймана,¹ Молла Шамсэддина, названного в другом месте Шамсэдином Узганди. В хикматах этот последний именуется то Шамсэддин, то Шамс.² Наряду с этими именами в сборнике встречаются хикматы, заключающие ряд других имен: Кул Шариф, Мискин Гариб, Кул Асад, Худайдад, Кул Надири, Кул Сайфаддин.³ Следует напомнить, что в стамбульском издании хикматов Ясеви особым приложением выделены хикматы Азима.⁴

Эти факты, характеризующие состав интересующих нас сборников, отнюдь не единичны. В рукописном сборнике № 378 того же Института восточных рукописей заключено 56 стихотворений с упоминанием имени Ахмада Ясеви, в различных видах, 6 хикматов без упоминания какого бы то ни было имени, а все остальные содержат ряд других имен: Кул

¹ РКП № 1564, лл. 95а, 121б, 123а, 124а, 125а, 129а, 130а, 131а, 133а, 134б, 136а, 137б, 138а, 171а, 185б, 189а, 205б.

² Там же, лл. 47б, 86б, 119б, 186б, 187а, 192а, 194а.

³ Там же стихи Шарифа, л. 88б, л. 111б, Гарипа л. 174б, Асада л. 184б, Худайдада л. 185а, Надири л. 188а, Сайфаддина 208а.

⁴ Стамбульское издание „Китабхане“ — „Султан-Баязид“, 1318 г. х., стр. 160, сл.

Сулейман, Шамс Узганди, Кул Надири, Сабри.¹ В рукописи № 3966 имеются 89 хикматов с упоминанием имени Ахмада Ясеви, 10 с именем Шамса, 1 с именем Гариба, 22 с именем Хаким-ата Сулеймана и 1 с именем Мискин-Касыма.² В другом рукописном сборнике Института восточных рукописей, № 3764, из 140 хикматов 7 с именем Сулейман-ата.³ Большой интерес представляет и еще один список Института восточных рукописей, № 5661, где собраны духовные стихи (кысса) на различные темы и хикматы, в которых мы снова встречаем имена Ахмада Ясеви, Сулейман-ата, Шамса, Насими и Молла Базара. Становится очевидным, что в состав диванов и сборников стихотворений Ходжа Ахмада Ясеви включались вещи, близкие по содержанию и форме, причем выяснение подлинной принадлежности их самому Ясеви или его многочисленным подражателям представляло всякий раз определенно трудную задачу. По этой самой причине мы не находим сейчас сборников, однородных по составу.

Наибольшей популярностью наряду с хикматами Ахмада Ясеви пользовались духовные стихи и стихотворения-хикматы третьего преемника его Хаким-ата Сулеймана, умершего через двадцать лет после смерти шейха, в 1186 г. Деятельность Хаким-ата протекала в Хорезме в местности Бақырган, откуда его прозвище Бақырган-ата. В жизнеописаниях среднеазиатских мистиков подчеркивается всякий раз, что Хаким-ата был сочинителем хикматов, хикматы его встречаются часто вместе с хикматами Ясеви, в чем мы уже могли убедиться.

В Казани был опубликован и выдержал ряд изданий упоминавшийся уже сборник хикматов Хаким-ата под названием „Бақырган-китаби“. Однако в свое время было обнаружено, что и здесь хикматов, принадлежащих Хаким-ата, не так уж много; в этом сборнике больше стихотворений других сочинителей, писавших в том же духе, следуя одним и тем же образцам. Среди имен этих сочинителей встречаются и уже известные нам имена, и сверх того ряд новых имен: Убайди, Икани, Хубби, Машраб, Тафи, Факири, Гызали, Шарафи, Шухуди, Мачин, Таж, Байза, Бехбуди.

Таким образом, число сочинителей хикматов, писавших в стиле Ахмада Ясеви или, по крайней мере, в том стиле, который мы привыкли связывать с его именем, оказывается довольно значительным. Это обстоятельство, в свою очередь, усложняет работу над текстами хикматов Ахмада Ясеви, ибо мы имеем дело с определенным поэтическим жанром, с выработанными традициями, действовавшими на протяжении ряда столетий.

Теперь мы можем подвести некоторый итог и свести воедино список сочинителей хикматов, произведения которых разбросаны в различных сборниках и группируются вокруг имени Ахмада Ясеви и его преемника Хаким-ата. Список объединяет около тридцати имен: 1. Азим. 2. Асад. 3. Байза. 4. Бехбуди. 5. Гадаи. 6. Гариб. 7. Гызали. 8. Икани. 9. Касым. 10. Джани. 11. Мачин. 12. Машраб. 13. Молла Базар. 14. Надири. 15. Насими. 16. Сабри. 17. Сайфаддин. 18. Таж. 19. Тафи. 20. Темури. 21. Убайди. 22. Факири. 23. Хаким-ата. 24. Хубби. 25. Худайдад. 26. Шамсэддин. 27. Шарафи. 28. Шариф. 29. Шухуди.

Галерею сочинителей хикматов, продолжателей Ахмада Ясеви, начинает третий преемник последнего — Хаким-ата Сулейман. О нем

¹ РКП № 378, с именем Сулеймана лл. 136, 156, 166, 19а, 31а, 396, 47а, с именем Надири л. 486, с именем Шамса лл. 536, 58а, 62а, 666, с именем Сабри лл. 666, 726.

² Стихи Шамса лл. 138а, 208а, 2126, 2226, 2246, 2256, 2356, 238а, 2396, 247а, Гариба л. 1566, Сулеймана лл. 202а, 2046, 2056, 214а, 216а, 2176 и др. Касыма л. 2206.

³ На лл. 316, 33а, 34а, 58а, 726, 83а, 846.

в одних и тех же выражениях говорится в „Рашахат“, в „Самарат-ал-машаих“ Муфти Зиндэ Али и „Ламахат“ Мухаммед Алим-хаджи. В „Рашахат“ о Хаким-ата Сулеймане мы читаем следующие строки: „Он был из почтеннейших тюркских шейхов (از كبار مشايخ ترك) и его хикматы на тюркском языке произносились в среде дервишей. В Туркестане [хикматы его] известны и популярны и, в том числе, наиболее впечатляющи, например, посвященные уважению народа и цене времени: هر كيم كورسانك حصنر بيل هر تون كورسانك قدر بيل — „всякого, кого ты увидишь, чти за Хызра, всякой ночи, которую ты видишь [переживаешь], знай цену“. Другой пример, принадлежащий ему, сказан им по поводу гордости и себялюбия: با رجه يخشى بيز يمان برجه بغدادى بيز — „все хороши — мы плохи, все пшеница — мы мякина“.¹

Следует заметить, что последние стихи автор „Ламахат“ комментирует подробнее. Здесь по поводу приведенных стихов говорится, что шейхи Ирака обращались к хорасанским шейхам с некоторыми трудными вопросами, а эти адресовали эти вопросы последователям Ясеви. В этой связи Хаким-ата и написал в ответ стихи, о которых идет речь. По словам автора „Ламахат“, стихи выражают следующее: „Не существует единого пункта пути и способа к достижению божественной истины, в силу этого не может быть и стремления к тому. О, дорогой мой, будь несуществующим, дабы стать сущим“.²

Кстати сказать, цитированные стихи Хаким-ата обнаруживаются и в одном из хикматов Ахмада Ясеви (Каз. изд., стр. 181):

* قل خواجه احمد يمان لرنى يما نى سن *
* برچه بو غداى ايل تو تما غان سما نى سن *

Кул Ходжа Ахмад, ты худший из худших,
Все пшеница, а ты мякина, не взятая населением.

Трудно сказать, пересказал ли Хаким-ата эти стихи, или снова они просочились в хикмат Ясеви благодаря позднейшим редакторам и переписчикам, тем более, что стихи явно напоминают фольклорные мотивы, напр., из песни „Зува-хан“ ферганских кыпчаков:

Зува-қан буwдај, биз арпа
Зува-қан ешан, биз қалпа...
Зува-хан пшеница, мы ячень,
Зува-хан наставник, мы служки...

В наличных сборниках встречается различное число хикматов Хаким-ата, от пяти до тридцати шести. Вопрос о личности Хаким-ата представляет особый интерес. В жизнеописаниях шейхов ясевийского толка третьим преемником Ахмада Ясеви называют то Сулейман-ата, то Хаким-ата, причем, вообще, имена четырех учеников Ясеви указываются различные. В одном списке „Самарат-ал-машаих“ приведены упомянутые выше стихи Сулейман-ата и по поводу их сделана приписка: „удивительно, что в „Ламахат-и-хызрат-и азизан“ стихи Сулейман-ата отнесены к Хаким-ата“.³ С другой стороны, во втором списке того же сочинения

¹ „Рашахат“, изд. ташкентской литографии Арифджанова, 1329 г. х., стр. 9—10.

² مدار طریق و طریق وصول بحضرت حق سچانه نیستی است و ازین ذقابق
РКП Института восточных рукописей, № 638, л. 546.

³ بحضرت حکیم اتا... نسبت داده اند
л. 186а, сл.

по поводу Сулейман-ата также сделана приписка, из которой явствует, что, согласно сочинению Молла Тахира Хорезми, имя Хаким-ата было прозвищем Сулейман-ата, коего именовали точнее Сулейман-ходжа, и что прозвище Хаким дал ему проницательный Хызр.¹

С именем Хаким-ата связана непосредственная преемственность в сочинительстве хикматов. В „Самарат-ал машаих“ по этому поводу имеется интересная приписка, гласящая: „Саид-ата, отец Сулейман-ата, сказал, что некоторые ученики (последнего) имели хикматы на тюркском языке“.² Не будет ничего удивительного, если окажется, что Мачин, Тадж и Хубби, перечисленные в нашем списке сочинителей хикматов, окажутся — первый преемником Ясеви Баба-Мачином, второй Тадж-ходжей, сыном Абдул малик-ходжи, сына Мансур-ата, первого преемника Ясеви, и, наконец, третий — Хубби-ходжей, сыном самого Хакимата.

Что касается других из упомянутых нами сочинителей хикматов, то совершенно правильно, говорилось, что „сведения об этих поэтах ограничены и недостаточны“. Однако по крайней мере часть из них хорошо известна, и мы располагаем убедительными данными о их сочинительстве.

В „Самарат-ал-машаих“ приводится перечень преемников хисарского шейха Али-шейха, мюрида шейха Амин-Баба, наставником которого был Садр-ата, третий халифэ Занги-ата. Говорится при этом, что от шейха-Али-шейха руководство перешло к Мавдуд-шейху, а от последнего к трем преемникам его, — шейху Камалю-Икани, шейху Хадиму и шейху Зада Катибу. От шейха Камалэддина Икани же руководство перешло к шейху Саид Ахмаду и от него к Шамсу Узганди.³

Имена Икани и Шамса Узганди нам уже известны как имена сочинителей хикматов. В названном выше источнике об Икани говорится следующее: „Шейх Камалэддин, прозвищем коего было Икани, да будет над ним милость божья, был мюридом Мавдуд-шейха... Родился шейх Камалэддин в местности Икан, являющейся одной из местностей Туркестана, проживал в местности Алиабад, в Самарканде, умер и похоронен там же“.⁴

В „Ламахат“ Мухамед Алима об Икани говорится в тех же точно выражениях, причем в обоих случаях отмечается, что ему принадлежит много хикматов. Шейх Камалэддин Икани участвовал в собраниях Ходжа Ахрара.⁵ В „Рашахат“ приведен рассказ о встрече Камалэддин-шейха с Ходжа Ахраром в Ташкенте, при возвращении последнего из Хорасана. Камал-шейх продемонстрировал Ходжа Ахрару особый род зикра, так называемый „зикри-и арра“.⁶

¹ Так по РКП Инст. вост. рукоп., № 1336, л. 986, 99а.

² سعید انا پدر سلیمان انا تند که بعضی خلقه بزبان تری حکمتها دارند
РКП Инст. вост. рукоп., № 2619, л. 66а.

³ РКП Инст. вост. рукоп., № 2619, л. 66а.

⁴ شیخ کمال الدین که لقب ایشان اِقَانِی است رحمه الله مرید مودور شیخ بوده اند و برادر طریقت عزیزان خادم مولد شیخ کمال الدین قریه اقانست که از نواحی ترکستان است سالها در موضع علیاباد و سمرقند می بوده اند وفات و مدفن نواحی ترکستان است سالها در موضع علیاباد و سمرقند می بوده اند وفات و مدفن نواحی ترکستان است سالها در موضع علیاباد و سمرقند می بوده اند
РКП Инст. вост. рукоп., № 2619, л. 208а.

⁵ و حکمت بسیار از ایشان سرزده که مشتمل بر معارف و دقائق این قوم است
و حضرت شیخ بمجالس سر یغه خواجه احرار خواجه عبید الله... میر سیده
РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 636.

⁶ „Рашахат“, литогр. Арифджанова, Ташкент, 1329 г. х., стр. 15—16.

Почти слово в слово рассказано в „Самарат-ал-машаих“ и в „Ламахат“ о шейхе Шамсэддине Узганди: „Мавлана Шамс Узганди является одним из преемников шейха Саид Ахмада. Некий дервиш, долго служивший шейху Шамсу Узганди, повествует, что мавлана Шамс происходил из Узгента Туркестанской обл., где он родился“. Далее сообщается о том, что мавлана Шамс в своих хикматах выражал иносказательно тонкости мистического толка, и, в частности, ему принадлежит следующий из хикматов: — *قطب جهان سيد احمد يا حضرت شيخيم مَدَد* „Получь мира Саид Ахмад, о святейшество, шейх мой опора“.¹

По всем данным Шамс Узганди был плодовитым поэтом. Ему принадлежит значительное число хикматов и духовных стихов, из которых надо упомянуть „Кисса-и-махшар-нама“, „Кабур-нама“ и „Вафот-нама-и-хизрат Биби Фотима“. Последняя „Повесть о козчине пресвятой Биби Фатимы“ заканчивается стихами:

* شمس اوزكندی شفاعتدین تیلاب ایدی مونی *
* ای لاهی قیلما نو میدی مننک دیک بینوا *

Шамс Узганди, прося заступничества, поведал эго.
О, боже, не обезнадеживай несчастного, как я.²

Наиболее яркой фигурой из сочинителей хикматов является, несомненно, шейх Худайдад. Хикматы его встречаются довольно редко. Помещенный в рукописном сборнике № 1564 Института восточных рукописей, хикмат Худайдада содержит его имя:³

خدای داد نینک ایشی ایروور سوزو کداز * اندا یو قتور سنکا لا یق روزه نماز
سرمايه سی بویدول یجوه عجیز و نیاز * یا آلهم نجوک سنی تا پقای منا

„Дело Худайдада слово и мученье, в них нет для тебя должного поста и молитвы. Средства на этом пути слабость и бедность: о аллах, как я обрету тебя“.

Шейх Худайдад был учеником шейха Джемалэддина, преемника Хаким-шейха, мюрида известного нам Мавдуд-шейха. Шейх Джемалэддин за противодействие Шейбани-хану был выслан по приказанию последнего из Самарканда в Герат. Рассказывается, что когда Худайдад явился впервые к шейху Джемалэддину, шейх справился у него об имени. Худайдад назвал свое тюркское имя Худай-берди. Шейх Джемалэддин тут же назвал его на персидский манер Худайдадом, и это имя закрепилось за ним в дальнейшем. Из Герата Худайдад прибыл в Гидждуван и Бухару, так утверждаетс в „Ламахат“.

Происходил Худайдад из Миянкаля. Со слов Казии-хана Абдулла-хана, отец которого был мюридом Худайдада, передается, что шейх Худайдад был родом из селения Кызыл-Рабат миянкальской области. Некоторое время Худайдад находился в Кермине, когда правителем там был Джанибек-султан, дед Абдулла-хана. Из Кермине Худайдад приехал в Самарканд.⁴ Рассказывается, что к нему в гости являлись тюрки

¹ „Самарат-ал-машаих“, РКП Инст. вост. рукоп., № 2619, л. 2106. Упомянутое двустишие см. в хикматах Шамса по „Бакирган-китаби“, Казань, 1893, стр. 34.

² РКП Инст. вост. рукоп., № 5661, л. 3а — 4б; упомянутое „кыссэ“ там же, лл. 72а — 79б, лл. 10а — 13б; стихи об имаме Хусейне также с именем Шамса; см. лл. 25б — 51а и, наконец, л. 52б; ср. Бакирган-китаби, стр. 29, сл.

³ Этот хикмат следует в Бакирган-китаби, стр. 37, где всего 4 хикмата Худайдада.

⁴ „Ламахат“ РКП Инст. вост. рукоп., № 638, лл. 84б — 85, лл. 99а — 100а; ср. РКП Инст. вост. рукоп., № 495, л. 86а, сл.

из Кермине и Миянкаля и что, кроме того, у него был мюридом „один из казахских султанов“.

Из Самарканда Худайдад переехал „из-за частых нападений народа“ в селение Сугуд-и-Калан, под Самаркандом, и отсюда в местечко Азизе, где и находится его могила.¹

В самаркандский период своей жизни Худайдад, видимо, пользовался большим влиянием. Говорится, что Абу-саид-мирза был мюридом шейха Худайдада и при выездах на охоту в Сугуд-и-Самарканд посещал шейха. Абу-саид-мирза одаривал шейха; однако Худайдад раздавал будто бы полученные подарки беднякам.²

Не лишен интереса также рассказ в „Ламахат“ об отношении к Худайдаду Захирэддина Бабура. После смерти Шейбани-хана узбеки ушли из Мавераннахра в Дешт-и-кыпчак. Правителем Мавераннахра стал Бабур. Через некоторое время после этого Худайдад обратился будто бы к одному из своих мюридов — Арифу и сказал по-тюркски: „Ариф, нужны ли тебе узбеки, не волнуйся, ибо узбек будет государем“. Спустя известное время из Дешти-и-кыпчака появился Убейдулла-хан, и когда слух об этом дошел до Бабура, то этот последний отправил одного из своих эмиров к шейху Худайдаду за благословением. Худайдад сказал посланцу: „кто является лучшим мусульманином, тот будет государем“.³ Когда слова эти стали известны Бабуру, он заметил: „Мусульманство Убейдулла-хана превосходит мое, ясно, что мнение его святейшества сводится к тому, что он (Убейдулла-хан) будет государем“. Победил и стал государем Мавераннахра Убейдулла-хан.⁴

Все это интересно для нас в том смысле, что дает и хронологические рамки жизни и деятельности шейха Худайдада и некоторую общую характеристику его. Нет никакого сомнения в том, что шейх Худайдад был автором стихотворений-хикматов. Ему же принадлежат и персидские стихи. Одно двустишие Худайдада на персидском языке цитируется в „Ламахат“:⁵

* ای خدای داد صبر کن در عشق او مردانه دار *
* سیه مرداندا نیا بی جز زیان انداخته *

„О, Худайдад, терпи, обладай мужеством в любви к нему, не ищи наслаждения в людях, это принесет вред“.

Современником Худайдада был Касым-шейх, мюрид шейха Саид Ахмада. Касым-шейх является, по всей вероятности, сочинителем хикматов с именем Касым, о котором выше упоминалось. Рассказывается, что Касым-шейх 15 лет был мюридом Саид Ахмада и после его смерти некоторое время замещал своего шейха... Затем Касым-шейху пришло на мысль, что он еще молод и что он должен еще служить пиру настав-

بعده بجهت کثرت هجوم خلايق از انجا در سغد کلان ایرو نام قریه ایست
بدانجا تشریف برده اند واز انجا بموضع عزیزه تشریف فرموده اند که موطن شریف
РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 100а.

² „Ламахат“ РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 90а, л. 95а, 966, л. 112а. О связи Абу Саида с дервишами см.: В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Пгр., 1918, стр. 137—139.

³ هر که مسلمان تر باشد وی پا د شاه با شد
РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 166а.

⁴ مسلمانای عبید الله خان از ما پیشتر است ظاهر شد که رای حضرت عزیزان
سه آنست که وی پادشاه با شد
Там же, л. 1666.

⁵ РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 1156.

нику. Тогда он принял решение и отправился в Бухару, к шейху Абдул-латифу. Через некоторое время он стал мюридом шейха Мавлана Вали в Самарканде, где и протекала его дальнейшая деятельность.¹

С именем Касым-шейха связан небольшой эпизод, проливающий любопытный свет на миссионерскую деятельность ясевийских шейхов. Рассказывается, что Мавлана Исмагулла передавал, со слов Мавлана Мустафа-ар-Руми, что падишах Самарканда Абдуллатиф-хан обратился в беседе с Мустафа-Руми к последнему и спросил у него, почему Мавлана Вали не принимает узбеков в число своих мюридов, а Дервиш-шейх принимает, тогда как оба они являются мюридами шейха Худайдада. Мустафа-Руми не мог ответить на этот вопрос. Падишах решил послать посланца к одному из упомянутых шейхов, чтобы получить разъяснение. Однако Мустафа-Руми отсоветовал делать это, заявив, что приличнее получить разъяснение у мюрида (Мавлана Вали) Касым-шейха, и направился к нему.

Касым-шейх пояснил интересовавший государя вопрос иносказательно, в следующих выражениях: „Твой хан имеет аталыка и лейб-мехрема. Аталык ведает и благородными и простыми, а лейб-мехрем (محرم خاص) делами приближенных ведает (?). Точно так же и его святейшество шейх Худайдад сделал своим аталыком Дервиш-шейха, который берет себе в мюриды и узбеков и других, а Мавлана Вали сделал мехремом, и он принимает в число мюридов (лишь) приближенных“.²

Ясевийские шейхи действовали, главным образом, среди тюркского населения различных областей. Однако с течением времени деятельность их, видимо, претерпела изменения и была перенесена в городские центры. Этим объясняется, возможно, и двуязычие дервишских поэтов, например того же Худайдада.

Большие или меньшие подробности можно привести и в отношении других сочинителей хикматов — Гариба, Сайфаддина, Шарифа и др., но это не входит, собственно, в нашу задачу. Стоит упомянуть лишь имя одного поэта. Это шейбанид Убайдулла-хан, поэтическим прозвищем которого было имя Убайди. Убайдулла-хан был ревностным дервишем и имел своих мюридов. Известен он и как автор персидских мистических стихов. В рукописном сборнике Института восточных рукописей Академии Наук Узб. ССР, № 501 содержится краткий комментарий Махмуд-и-А'зама Касани (Хаджаги Ахмад-бин Джелаледдина) к газелям Убайдулла-хана (Шарх-и-газал-и Убайдулла-хан), где в одном из двустиший заключено его поэтическое имя, упомянутое выше (л. 282 б):

عبید ی آنکه نه بنید بحسم سرورا * با و مگو نظر از ماه تا بما می کن

Со слов того же Махмуд-и-А'зама Касани известно, что Убайдулла-хан писал стихи и на родном, узбекском языке. В „Рисалэ-и-чор калима“ упомянутый Махмуд-и-А'зам Касани, толкуя о скрытом мистическом смысле „четырёх выражений“, цитирует стихи Убайдулла-хана, заключающие эти выражения в следующих словах: „Так его святейшество

¹ „Ламахат“, РКП Инст. вост. рукоп., № 638, лл. 173б. 175а.

² اتالیق خواص و عوام رای پرسد و محرم خاص را نمی پرسد همچنین حضرت عزیزان شیخ خدا یداد درویش شیخ را اتالیق خود ساخته که اوزیک و غیبه را مرید می کیوند و عزیزان مولانا ولی را محرم ساخته اند که خواص را مرید می کیوند „Ламахат“, РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 170а.

хан, богоугодный и возлюбленный сердец дервишей, Убайдулла-хан, говорит, стихи:

هر لحظه وطن ایچرا سفر قیلغوم دور * یورتما کدا قدم اوزرا نظر قیلغوم دور
 خلوت تو تو بان هم انجمن ایچرا سدام * خلوت کده قربت غه کدر قیلغوم دور

Каждый миг я стремлюсь путешествовать в „жилище“,
 Двигаясь, стремлюсь лицезреть, стоя на ногах,
 Держась в уединении [хочу быть] постоянно в обществе,
 Стремлюсь пройти в тайное место единения.

Таким образом, принадлежность стихотворений-хикматов Убайдулла-хану едва ли может вызвать сомнения.

Теперь мы можем подвести некоторые итоги сказанному в отношении состава сборников хикматов Ахмада Ясеви.

Поэтическая традиция, начатая Ясеви или его ближайшими преемниками, продолжалась на протяжении ряда веков. Традицию эту поддерживали „тюркские шейхи“ ордена „ясевия“ или „джахрия“, которые всемерно увеличивали славу Ясеви сочинительством и духовных стихов и хикматов. Стихотворения-хикматы употреблялись на дервишских радениях-зикрах. В одном из хикматов Ясеви, вернее же Хаким-ата, как значитя в „Бакирган-Китаби“, по этому поводу говорится следующее:

* سری بیرلان سوزلار لار تیل کا حکمت نوزارلار *
 * عشق بیرلان جان کیمزارلار رنگی سر یغ اارویشلار *

„Говорят тайно, язык уснащают хикматами, любовью пронизывают душу бледнолицие дервиши“.

Это обстоятельство, между прочим, обуславливало изустное распространение стихов. Повидимому, и в ордене „Накшбандия“ были приняты хикматы, которые заимствовались, возможно, из общего источника. В одном случае в рукописи Фундаментальной библиотеки САГУ (№ 210) среди хикматов Ахмада Ясеви неожиданно обнаруживается (л. 326) хикмат с прославлением Бахаваддина:

* بها والدین قلو نکنی عاصی لار نیمک اولو غی *
 * محشر کو نی بولغاندا نومید قویمس یارحمین *

„Бахаваддин раба твоего, величайшего из грешных в день воскресения (мертвых) не оставит без надежды, о, милосердый [бог]“.

Хикматы Ясеви передавались изустным путем и переписывались многочисленными читателями. С течением времени, наряду с хикматами Ясеви, если таковые вообще существовали, стали обращаться стихотворения-хикматы его последователей. Вместе с syllabическими стихами появился аруз — квантитативный метр. Менялся язык. Стали возможны случаи смешения авторов. Способы передачи обуславливали отклонения от первоначального текста, в отдельных случаях возникали разные редакции хикматов. По всем признакам формироваться сборники хикматов стали не ранее второй половины XV в. Позднейшие сборники хикматов, составлявшиеся с учетом накопленного книжного опыта, опирались в отборе хикматов на упоминание в стихах имени Ахмада Ясеви. Однако, вместе с этим, перед нами всплывает новый вопрос, к которому и переходим.

II

Все ли стихотворения-хикматы, в которых упоминается имя Кул Ходжа Ахмад, Ходжа Ахмад и т. д., в действительности принадлежат самому Ахмаду Ясеви? Писал ли вообще стихи Ясеви? В хикматах настойчиво и многократно повторяется мысль о принадлежности их Ахмаду Ясеви. Таких стихов значительное число: „Кул-Ходжа Ахмад подобный жемчугу хикмат поведал“, „Султан Ходжа Ахмад Ясеви поведал хикмат свой целиком“, „Кому поведал ты хикмат, Кул Ходжа Ахмад, и мудростью кичась распространил, прочтя народу“ и т. д.¹ Часто упоминается „вторая тетрадь“ (дафтар-и-сани) хикматов: „Вторую тетрадь словес открыл я“, „Тетрадь вторую поведал я на память вам“ и т. д.

Мало того, в ряде случаев называется и число хикматов — 4400 и, в другом случае, 9900.² Гиперболически звучат и такие стихи: „Одна моя тетрадь (заключает) до ста тысяч хикматов, в этом мире у меня четыре тетради есть“.

Однако все это не уменьшает, а увеличивает наши сомнения, особенно если учесть некоторые характерные разночтения в тексте этих строк.³ Вскользь допускалась возможность существования повта более позднего периода с именем Ахмад на том основании, что часть стихотворений-хикматов писана арузом и появилась, повидимому, позднее. Это возможно. Ахмаду Ясеви могли быть приписаны хикматы, написанные позднее сочинителем с тем же именем. В пользу этого предположения могут быть приведены следующие аргументы:

1. В хикматах сплошь и рядом упоминается имя Ахмад или Ахмади с обычными эпитетами кул, мискин, доно. Хикматы с этим именем, в первую очередь, выделяются рядом особенностей. При этом следует заметить, что хикматы с именем Кул Ходжа Ахмад и другими подчас не укладываются в общий размер стихов; например *tāvba kīlşīl* *ходжа ахмад болғај һақдін інāјāt* по казанскому изданию (стр. 57) не укладываются в размер хикмата, но по рукописи Залемана (л. 69а) этот стих читается с именем *ја ахмад*, что соответствует размеру. Такого рода замены встречаются не один раз.⁴

2. В одном случае следует стих: „Имя мое Ахмад, Туркестан земля моя“. Приписывается Ходжа Ахмаду Ясеви и другой стих: „Место рождения моего тот благословенный Туркестан“, или „В Туркестане я остался мазаром“ и т. д.; во всех случаях имеется в виду город Туркестан.⁵ Известно, что в домонгольскую эпоху название Туркестан распространялось иногда на Мавераннахр и области за Сыр-дарьей, но только в конце XV в. город Ясы стал называться Туркестаном, когда и могли появиться соответствующие стихи.

¹ См. казанское пятое издание, стр. 125, стр. 7, 186, стр. 124; РКП ИВ В 286, лл. 54а, 77а, 91а.

² См. казанское пятое издание, стр. 34, РКП ИВ В 286, лл. 77а, 27а. Число хикматов имеет здесь аллегорическое значение. Упоминается такое же число учеников Ясеви в четырех частях света.

³ Предполагается появление „второй тетради“ среди продолжателей Ахмада Ясеви. Описки в тексте казанского сборника также утверждают такую возможность, например: *hikmāt ajt deb* (ایت ديب) *başlarımgā nur sācīlidi* (стр. 24), по РКП Залемана: *hikmāt ajat* (ایت) *başlarıgā дурр sācīlidi* (РКП ИВ В286, л. 92а), или *hikmāt ajt* (ایت ديب) *subhān idi gojā болдум* (стр. 71) по РКП Залемана: *hikmāt ajtib* (ایتيب) *subhān egām gojā болдум* (РКП ИВ В286, л. 92б). В одном случае утверждается, что Ахмад Ясеви писал хикматы по „большим книгам“ — *vlvz vlvz kītablārdin ajdi munī* (ср. казанский сборник, стр. 140).

⁴ Ср. казанск. сборник, стр. 148, 111, 53, 49, РКП ИВ В286, лл. 99б, 34а, 96б, 54б, 85б.

⁵ РКП Инст. вост. рукоп., № 377 — *āgim Ahmād Turkiştān дур jerim meniң*, л. 44а, сл. Казанск. сб., стр. 182. Ср. там же, стр. 51.

3. Именно стихи с именем „Ахмад“ или „Ахмади“ писаны преимущественно арузом и отличаются той „модернизацией“ языка, на которую указал проф. П. М. Мелиоранский. Примером могут служить следующие стихи:

* که بیلماس ده کناه بسیار قیلد یم *
 * کونکل لارنی بوزوب آزار قیلد یم *
 * که هر عاصی ابرور رحمت کا لایق *
 * کیل ای احمد دعاغه بول موافق *

В неведении много грехов совершил я,
 Расстроив, сердца огорчил я,
 Каждый грешник достоин милости,
 Приди, о, Ахмад, будь согласным молитве.¹

* ای دو ستلار یم اولسام مین بیلмам که حالیم نه بولور *
 * کوزکه کیویب یا تسام مین بیلмам که حالیم نه بولور *

О, други, умри я, не знаю, что будет со мной.
 Коль слягу в могилу, не знаю, что будет со мной.²

* که مست ایردیم که من آندیبن آییریلد یم *

В опьянении я [почему и] разлучился с ним.³

Сочинители хикматов позднего периода, обогащенные опытом поэзии XV в., естественно, усложнили и формы своего творчества. В ряде случаев прямо напрашивается сопоставление отдельных стихов Ахмади со стихами Алишера Навои, творчество которого могло быть источником вдохновения для первого.⁴

Навои: هر دم انی کورکا لی کو نکلوم قوشی پرواز اینتار
 Ахмади: هر سری بارسه او شال یاری بیلان پرواز اینتار
 Навои: قیل امیدو، بیوله غمکین خا طر یمنی شاد اینتار
 Ахмади: اهل دل بو لغان کنشی غمکین کو نککنی شاد اینتار

4. Уже в приведенных стихах обращают на себя внимание фарсизмы, характерные именно для более поздних сочинителей хикматов. В стихах с именем Ахмад (Ахмади) фарсизмы обычны. Ограничимся несколькими примерами:

* صوفی من دیب لاف اورار سن آه افغاننک قتی *
 * آنشد سسرخ رنک زرد چشم کسریا نینک قتی *
 * مری شیردی کامل مکمل راه مری دا نینک قتی *
 * صفی نقش اولدونک ولی هرگز مسلمان بولما یدک *

Говоря „я суфий“, хвастаешь ты, где вздохи и стоны твои,
 Где кровавые слезы, желтый цвет и плачущие очи твои,
 Где совершенный наставник и мужества пути твои,
 Ты внешне стал суфием, но не стал отнюдь мусульманином.⁵

¹ Казанск. сб., 5-е изд., стр. 56.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 55.

⁴ Там же, стр. 69—70; „Чор деван“ Навои, РКП Ташк. пединститута № 41 510, л. 1066.

⁵ РКП ИВ В 286, л. 656, сл.; казанск. сб., стр. 178; „Бакирган-китаба“, стр. 48, сл.

В рукописи Фундаментальной библиотеки САГУ № 210 (лл. 60а — 61а) мы находим неожиданно среди стихотворений-хикматов Ахмада Ясеви персидские стихи с тем же именем Ахмад, заканчивающиеся следующими строками:

- * چه سازی بلکه آن ساعت که مری آید بها نی
 * دارم مد موسعی پوی شماندنداء زینت سنت
 * چرا آخر نسسی آری یک آهسی پیشیما نی
 * جو کفست احمد بوای این زرددل یکی نکته
 * مسلما نان مسلمانان مسلما نی مسلما نی *

5. Послесловие в казанском „Диване“ (в некоторых сборниках это предисловие), писанное арузом, обращенное к читателям хикматов и стоящее обособленно, как это явствует из рукописи К. Г. Залемана (л. 6, сл.), заключает также имя Ахмад.¹ Хикмат с именем Ахмад, № 35 по пятому казанскому изданию (стр. 72, сл.), на тему о приближении судного дня, по содержанию чрезвычайно близок другому хикмату, № 102 того же сборника (стр. 171, сл.), принадлежащему также позднему сочинителю Гарйбу.

6. По всем признакам составители сборников хикматов Ахмада Ясеви подозревали в свое время о существовании другого Ахмада. Хикматы с именем Ахмади почти все отсутствуют в рукописи К. Г. Залемана и не всегда имеются в других сборниках, хотя нет никакого сомнения в том, что они должны были быть впоследствии смешиваемы, в чем мы уже могли убедиться. В одном случае такого рода замена имени приобретает для нас принципиальный характер. Заключительные стихи хикмата № 118 пятого казанского издания „Дивана“ (стр. 199) имеют строку с упоминанием имени Ходжа Ахмад:

- * خواجه احمد در منیم آتیم تونی کونی ینار او تیم
 Ходжа Ахмад имя мое, день и ночь горит мой огонь.

Однако эта строка по казанскому же изданию 1893 г. „Бакирган-Китаби“ (стр. 7) читается с именем Тадж Ахмад:

- * تاج احمد در منیم آتم تونی کونی ینار او تیم
 Тадж Ахмад имя мое, день и ночь горит мой огонь.

Таким образом, вопрос об этом имени требует особого внимания. Вместе с тем никаких прямых данных на этот счет у нас нет.

Среди многочисленных шейхов ясевийского толка было несколько лиц с именем Ахмад. Однако сообразуясь с хронологическими данными, следует предположить, что сочинителем хикматов мог быть, повидимому, шейх Саид Ахмад, он же Ходжа Ахмад, мюрид Камалэдина Икани и наставник шейха Шамсэдина Узганди и Касим-шейха. По всей вероятности Саид Ахмад в дервишской среде носил также имя Молла Ахмади, как это можно видеть по одному месту „Ламахат“.²

Рассказывается, что Саид Ахмад двадцать лет служил шейху Камалэдину и был в сношениях с шейхом Худайдадом. При переезде из Бухары в Самарканд Саид Ахмад остановился в Кермине у Худайдада,

¹ РКП ИВ В 286, л. 6: چين آيدى احمدي مسكين بوسوزنى خوانندک و همپيدين
 قو تَقَارَ غَاى اوزنى

² РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 75а.

и последний отнесся к нему с большим почтением. В Самарканде Саид Ахмад участвовал в собрании Ходжа Ахрара, причем, по „Самарат-ал-машаих“, Ходжа Ахрар удалил его из собрания за то, что он нарушил состояние экстаза ходжи.¹ В „Ламахат“ речь идет о бестактности одного из учеников Ходжа Ахрара.²

Умер Саид Ахмад в Самарканде и похоронен за воротами Шейх-задэ, кои назывались также Па-и-Кабак.³

Предстоит большая дополнительная работа по усановлению текстов Ахмади и его авторства. Это, в свою очередь, коснется стихотворений-хикматов, приписываемых Ясеви.

Вырисовывается сложная картина. Уже первые преемники Ахмада Ясеви считают сочинительство хикматов своей первейшей обязанностью в распространении ими мистического учения знаменитого „тюркского“ шейха. Эта поэтическая традиция становится неотъемлемой частью „ясевизма“. Ясевийские шейхи хранят именно родной „тюркский“ язык в поэзии; в этом их известная заслуга. Однако с течением времени первоначальная простота народного стиха перестает удовлетворять дервишских поэтов, когда сила и влияние ясевизма укрепляются в центрах богословской образованности и высокой поэтической культуры. На смену народному стиху сочинители хикматов все больше прибегают к арузу, — квантитивному арабо-персидскому метру.

Идея „Дивана“ — сборника хикматов Ахмада Ясеви и его преемников зародилась, повидимому, в период торжества ясевизма (на рубеже XV и XVI вв.), когда вместе с подлинными стихами Ясеви уже обращались стихи, приписываемые ему и пережившие значительный период изустной передачи и различных редакций. Сейчас очень трудно установить с большой точностью, какие именно хикматы принадлежат самому Ясеви. Легче, пожалуй, доказать обратное, что Ахмаду Ясеви не принадлежит ни одного из известных нам стихов, и что все приписано ему позднее. Данные языка, в частности, также не дают нам точки опоры.

О языке хикматов Ахмада Ясеви уже высказывались самые различные предположения. Один узбекский историк литературы, автор „Общего обзора среднеазиатской и узбекской литературы“, не искушенный в специальных лингвистических вопросах, выразился в том духе, что „появление узбекского диалекта в письменной литературе можно возвести ко времени Ахмада Ясеви — это значит сказать, что самое старое произведение, написанное на узбекском диалекте, «есть хикматы» Ясеви“. Отсюда явился вывод, что язык „хикматов“ не был связан с „карлукско-уйгурским“ языком „Кутадгу-билиг“. Это впечатление складывается, видимо, при чтении дошедших до нас текстов хикматов. Не чужд был ему и Г. Вамбери, по словам которого язык хикматов Ахмада Ясеви базируется на „диалекте кокандского ханства“.

Остроумные, но не обоснованные ничем соображения высказывает по этому поводу проф. Кюпрюлю-задэ. По его словам, Ахмад Ясеви как уроженец Исфиджаба мог принадлежать к племени Аргу, в силу чего язык его, при наличии некоторого огузского влияния, был язык восточнотюркский, близкий языку „Кутадгу-билиг“ и развился на карлукской диалектальной основе. Предлагалась и поправка к этой упомянутой выше догадке в том смысле, что язык хикматов Ахмада Ясеви развился на „кыпчакско-огузской“ или „карлуцко-кыпчакско-огузской“ основе.

¹ „Самарат-ал-машаих“, РКП Инст. вост. рукоп., № 1336, л. 1156, сл.

² „Ламахат“, РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 646, сл., л. 66а.

³ Там же, л. 66 б.

Довольно категорически звучит утверждение Т. Менделя, согласно догадке которого „...язык в его (Ясеви) «Диване» восточно-тюркский и стоит в прямой связи с языком «Кутагду-билиг» и орхонской письменностью“.¹

Гипотезы такого рода призваны расчищать путь к истине. Однако на нашем пути такое обилие шипов и терний, что без основательной очистки догадки не будут иметь никакого значения. Задача трудна из-за отсутствия достоверных текстов и сложности литературной истории хикматов. Однако мы все же должны знать, что дают нам наличные тексты хикматов с языковой стороны.

1. Первое, с чего по-существу мы должны начать, это — анализ языковых особенностей каждого списка „хикматов“ в отдельности, — так много в них привнесли многочисленные переписчики местного, диалектального. Наиболее существенными с этой стороны являются следующие черты Accusativus-Genit., на-ни характерный и для живых узбекских говоров, например: *dārjāni gāwhari* „жемчуг моря“, *kārwanni soñin ālib kočārmizā* — „каравана конец взявши (— следом за караваном) переселимся мы“ и т. д.

Как и в живой речи, под влиянием книжного языка Accusativus и Genitivus замещают друг друга — бу *dunjāni* / *fāw/ acini* || бу *dunjāni* / *fāw/ acini* — „гам этого мира“, *anin učun* || *anin učun* — „для этого“ и т. д.; или *ikki ālām işratiniç mājga sātīm* (РКП ИВАН, В 286, л. 27 а, б) — „обоих миров удовольствия (Acc.) продал я за вино“; в Казанском издании (стр. 34) — *işratlarin* и т. д.

2. Повелительные глаголы 2 лица ед. ч. на *gil* и — *gin* (— *f il*, *f in*): *kor il* || *kor gin* — „гляди“, *sāl f il* || *sal gin* — „положи“, *ķil f il* || *ķil f in* — „делай“ и т. д.; то же в случаях 1 лица мн. ч. *ajtāluk* || *ajtāli* — „скажем-ка (мы)“, *bārāluk* || *bārāli* — „пойдем-ка (мы)“ и т. д.

3. Специальный интерес представляет так называемое „вставочное *н*“ при локативных падежах. В большинстве говоров живых это „*н*“ отсутствует, нет его и в памятниках XV—XVI вв., но группа памятников сохраняет „вставочное *н*“. Речь идет следовательно о двух диалектальных источниках, имеющих глубокую историческую перспективу. В хикматах эти две линии перекрещиваются, „вставочное *н*“ то появляется, то исчезает. Сравните (по казанскому изданию):

а) *'āsālāri elkindā himmāt quri belindā*
idim jādi tilinda āllā degān dervişlār (стр. 96)

Посохи в руках их, пояс подвига на чреслах,
помянуье бога на языке, бога назвавшие дервиши.

б) *himmāt quri belidā māwlim jādi tilidā*
zulfiqāri elkida şeri худā 'āli dur (стр. 107)

Пояс подвига на его чреслах, помянуье бога на языке,
сабля Мухаммеда в руках его, лев божий Али.

4. В области лексики также перемежаются диалектальные элементы; например: *jaķin jāwuk* — „близко, близкий“, ср. по РКП ИВ В 286 (л. 93 а): *ji/ lamaǰmu olār waķtim jaķin jetti*; то же по казанскому изданию (стр. 71): *ji/ lamaǰmu olār waķtim jāwuk jetti* и т. д. Еще *oñ-sol* и *on-soñ* — „правый-левый“, например: *oñ-u-soñā ķāçar ermiş* (РКП ИВ, В 286;

¹ Th. Menzel. Die Aeltesten türkischen Mystiker. Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges. T. 79, 1925, S. 278.

л. 37 а) — „убегут, будто, направо и налево“ и т. д., или *äcäl jañlıķ* сучук (казанск. изд., стр. 181) — „меду подобно сладкий“ и *bälđin* сучук (id., стр. 225) — „слаще меда“ и т. д. Число такого рода фактов может быть легко увеличено.

Специальный интерес представляло бы исследование арабо-персидских элементов в историческом аспекте, но мы ограничены здесь хронологическими рамками текстов стихотворений-хикматов. В частности, характер фарсизмов в хикматах указывает на непосредственность влияния персидского языка, граничащую с двуязычием. В отборе лексики так и чувствуется легкость обращения с заимствованиями, например: *hämme kās wâi dedî* (РКП ИВ, В 286, л. 37 б) „все люди (вм. кіші) «ой» сказали“; *äĵ koksi baland* — „о, тщеславный“ (буквально „высокогрудый“); *du 'äläm* (Казанск. изд., стр. 227) — „два (оба) мира“; *berobol il* (id., стр. 109) — „будь безликим (покорным)“; *ro-i-sijäh* „злосчастный“ (буквально „черноликий“); *berur badga džazâ* (id., стр. 77) — „накажут дурных“; *ķilmâ bâzi* (стр. 166) — „не делай забавы“; *kundin kungâ zijäd* (РКП ИВ, В 285, л. 375) — „изо дня в день больше“; *bäd ķirdäm-u bäd ķirdâr* (id., л. 32 б) — *bâdhâwâ* — (Казанск. изд., стр. 111) — „пустой, лишней“ и т. д. Дело не ограничивается заимствованиями.

В хикматах довольно обычна конструкция „персидского изафета“, например: *riż-i färâwân* — „благообильные“, *añl-i wâfâ* — „люди верные“, *ruż-i mâhşâr* — „день воскресения (мертвых)“, *hâk-i pâji* — „прах ног“ и т. д.

Наряду с этим в хикматах обычен соединительный союз персидского происхождения — *u*, например: *dâf -u häsrât* — „горе и печаль“, *mâl-u pul* — „имущество и деньги“, *džân-u dilim* — „душа и сердце мое“, *iç-u tâşim* — „внутренность и внешность моя“, *tâf -u tâş* — „горы и камни“, не *surât-u*, не *siĵrat-u*, не *äjn-u 'äjândä* (РКП ИВ В 286, л. 28 а) „ни вида, ни образа жизни, ни очевидности сути“ и т. д.

Следует заметить, что удельный вес фарсизмов в хикматах увеличивается у более поздних сочинителей, которым не чужда была образованность своего времени. Характер же фарсизмов и в хикматах Ахмада Ясеви таков, что заставляет предполагать о позднем происхождении их вообще.

Проф. П. М. Мелиоранский в свое время заметил, что „язык Ахмада (Ясеви) в доступных нам рукописях и в печатных изданиях позднейшими переписчиками модернизирован“. С этой точки зрения большое значение для нас приобретает характер архаизмов в хикматах, по которым мы можем восстановить хотя бы приблизительную исходную картину. С течением времени все непонятное, устаревшее, по мере возможности, устранялось переписчиками; сравните, например, по рукописи Залемана (В 286, л. 12 б) *nä ķilñajsan jazuklarıñ tâf dîn âf ip* — „что поделаешь, грехи твои тяжелее гор“, по РКП ИВ АН, № С 145, соответственно, ... *gunâhlarıñ* (л. 12 а), по рукописи Залемана (В 286, л. 16 а) *jöldin ävsän qolun tutub jolfa calsun* — „коли с пути собьешься, взяв за руку, пусть направит на путь“, по РКП ИВ АН, № С 145, соответственно ... *jol adashsañ*... (л. 65 а), по казанскому изданию (стр. 64) *uçmâx içrâ* — „в раю“, по РКП ИВ АН, № С 145 — *bâhşât içrâ* (л. 41 а) и т. д.

Наиболее существенные архаизмы в хикматах можно свести к следующим группам:

1. С фонетической стороны обращает на себя внимание конечное /-имен, например: *tuf-râf* — „прах“, *сарі/* — „желтый“, *тані/* — „известный“, *камур/* — „вся, всё“, *чирâ/* — „светильник“, *улу/* — „великий“ и т. д. В этой связи следует выделить и относительные прилагательные на *ЛУ/*, *Лі/*, например: *hakikatli/* — „истинный“, *ujkuluf* — „сонливый“, *ķaj-*

қулуғ — „печальный“, оңлуғ — соңлуғ — „правый и левый“, суфіліғ — „суфийский“ и т. д. Ср. по рукописи Залемана (РКП ИВ, № 286, л. 48 б):

- * مَحَبَّتْ لَيْغُ عَاشِقُ لَوْ نِي رَنْكِي سَرِيغُ *
 * اَيْنَه غَه نَظَرُ قَيْلَسَا اَنْدِيْن نَايِيغُ *
 * اَوْزِي حَيْرَانُ كَوْزِي يَاشْلِيغُ *

Бледен цвет влюбленных, полных любви,
 Если взгляд на зеркало бросят — из него узнают,
 Сами изумленные, глаза в слезах.

Эта особенность известна в языке орхонских памятников в древнеуйгурском, в „Кутадгу-билиг“, в „Кысас-ул-анбия“ Рабгузи и в языке писателей XV в., причем в позднюю эпоху, как это имеет место и в хикматах, конечное ɟ в обоих упомянутых выше случаях чередуется сплошь и рядом с ɟ.

2. Старая форма деепричастия на „y“, — ju, так обычная еще в памятниках XIV в. (у Рабгузи, в тefsире XIV в. и др.) и дожившая эпизодически до XIX в., в хикматах встречается в единичных случаях, например: теју „говоря“, сајрају шәхдјн шахқа қонар, достләр (казанск. изд., стр. 94) — „распевая, с ветки на ветку садятся, друзья“ [по рукописи Залемана, л. 96 а; сајраб шәхлардін шәхқа и т. д.], істају болді авиң сәдіқларі — „искать стали его истинные [друзья]“ и т. д.

В этой связи стоит напомнить следующее любопытное обстоятельство: у ряда авторов (автор „Абушки“ со ссылкой на Навои и Султана Хусейна, Мехди-хан, со ссылкой на Навои) принято рассматривать форму на — y, у как форму повелительного глагола, когда налицо явно деепричастное значение. Цитата из Ясеви с персидским переводом, которому мы привели впереди — tok jeju to/ ri juру, подтверждает и наличие повелительной формы на y, — ju. Напрашивается и сопоставление этой формы с отрицательным глаголом: Фафл јурума әслиң — наслиң һәмә туфрәт (РКП Залемана, л. 35 а) — „беспечно не ходи, начало и происхождение твое — все прах“.

3. Редка, сравнительно, в хикматах и форма причастия на јур после основ на гласный, обычная в древнеуйгурском и в памятниках XIV в. (Рабгузи), например, сајрајур бечәрә булбул (казанск. изд., стр. 129) — „поет бедняга соловей“. Форма эта сохранилась и у поздних сочинителей хикматов, например у Гариба: ји/лајурлар, бозлајурләр, маңрәјурләр (казанск. изд., стр. 173) и т. д.

4. „Восточная“ форма будущего (будуще-настоящего неопределенного) времени на fu живет в хикматах прочно, например: зәрі қилсаң бәндәдебән сур/ ум мәнә (РКП ИВ В 286, л. 48 б) — „если будешь стенать, раб мой, сказав спрошу я“; шәфи' болуб шәфа'әти қилф ум озум (id. л. 48 б) — „будучи заступником, заступничество окажу я сам“; корғуң дидәр (казанск. изд., стр. 202) — „ты увидишь лицемерье“ (id., стр. 100) и т. д.

5. О происхождении причастия на миш в хикматах: білмишлар, әлмишлар, тиләмишәм (Казанск. изд., стр. 98) трудно что-либо сказать, памятуя, что форма эта могла сохраниться от древне-уйгурской традиции, но могла быть усвоена в линии позднейших „юго-западных“ влияний, как это имеет место с формами кетәрәм (казанск. изд., стр. 186) — білман || білмам и др.

6. Что касается фактов лексического порядка, то и здесь архаизмы в хикматах сравнительно не многочисленны: это қажу — „который“; қамуғ — „все, всё“; елік || елк — „рука“; ај — „говорить, сказать“; ари/ —

„чистый, святой“; учмах — „рай“; іді — „владыка, бог“; јазуқ „грех“; нучук — „какой, как“; емгәксизін — (Казанск. изд., стр. 185) — „без труда“ и др. Перечисленные лексические элементы имеют место и в легенде о Хаким-ата и обычны в то же время и у писателей XIV—XVI вв.¹

Сказанное позволяет нам сделать общий вывод о том, что язык хикматов Ахмада Ясеви, судя по тем текстам, которыми мы располагаем, восходит к „восточной“ караханидской литературной традиции. Что же касается позднейших напластований, то они повторяют общие судьбы староузбекского (чагатайского) языка. Принадлежность хикматов самому Ясеви по данным языка доказана быть не может.² Легче проделать сложную литературную работу по установлению хикматов более позднего происхождения, возникавших вокруг одного имени.

---

¹ Ср. архаические элементы в легенде про Хаким-ата, Залеман, стр. 130, сл.

² Теоретически мнение Мелиоранского и Брокельмана о языке Ясеви остается в силе.